

АРМЯНСКИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИСТОРИКИ ОБ ЭКСПАНСИИ
ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ВОСТОК В X—XI вв.

В. А. АРУТЮНОВА-ФИДАНЯН

Неуклонное и планомерное проникновение Византийской империи в восточные части малоазийских территорий сопровождалось закреплением на них и основанием военно-административных округов (фем), становившихся плацдармами для дальнейшей экспансии. Первыми шагами на этом пути, очевидно, следует считать военные успехи Млех-Ментца и Иоанна Куркуаса, приведшие к созданию фемы Ликанд (во втором десятилетии X в.¹) и учреждению императорской куратории в области Мелитины (934 г.)². Последовавшая в начале 50-х гг. X в. контратака арабского мира³ замедлила, но не остановила движения империи, обеспеченного уже с конца 50-х гг. победами Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия. К середине XI в. значительные территории Сирии, Месопотамии, Киликии и Армении оказались под властью Византии.

Около середины XI в. малоазийские владения империи становятся ареной набегов тюрок-сельджуков, а с 70-х гг. сельджуки переходят от набегов на византийские владения к их освоению. Роковое для империи сражение при Маназкерте (1071 г.) можно считать завершающей точкой на линии отсчета византийской экспансии. Итак, первая четверть X в. и 70-е гг. XI в.—хронологические рамки экспансии Византии на Восток.

Произведения армянских историков XI—XII вв. с их пристальным вниманием к экспансии Византии являются наиболее ценными источниками для установления хронологии и событий этого периода и долгое время широко использовались только как сборники фактических данных по византийской экспансии.

В настоящей статье будет сделана попытка взглянуть на армянские источники не как на сумму фактов (ставших почти хрестоматийными), но как на сумму идей, т. е. как на самостоятельные произведения, отражающие взгляды авторов, их тенденции. Иными словами, нас сейчас интересует не *что* написано об экспансии Византии на Восток (это изучено достаточно хорошо), а *как* об этом написано (это не изучено совсем). При этом мы не ставим перед собой задачи установить источники авторов и те влияния, которые сформировали их произ-

¹ H. Grégoire, Notes épigraphiques, „Byzantion“, VIII, 1933, стр. 79—80.

² История Византии, М., 1967, т. II, стр. 190.

³ Там же, стр. 208.

ведения. Эти произведения будут рассматриваться в их общепринятом, так сказать, «каноническом» виде. Для наших целей не имеет серьезного значения наличие в них поздних вставок, ошибок, смещений и т. п., так как эти моменты неизбежно нивелируются значительно большим количеством оригинальных страниц и не могут решительным образом повлиять на выявление тенденций их авторов.

Восточная экспансия Византии, продолжавшаяся целое столетие, была глубоким и сложным явлением, включавшим в себя политические, дипломатические, социальные, экономические, демографические, идеологические и культурные аспекты. Результаты этого процесса весьма разнообразно и глубоко сказались в разных областях жизни как Армении, так и Византии; при этом если на армянских землях, захваченных в ходе экспансии, империя попыталась ввести византийский правопорядок, административную и фискальную систему и халкидонитскую ортодоксию, то и сами армянские земли, став лимитрофными областями Византии, оказывали на нее постоянное социальное и культурное влияние⁴.

Востоковеды и византинисты обычно подчеркивают три этапа византийской экспансии на востоке: аннексия империей армянских царств и княжеств, переселение владельцев с их военными отрядами и частью населения в глубь империи и, как следствие всего этого,—победное нашествие сельджуков. Армянские историки с XIX в. и до наших дней вполне естественно сосредотачивают свое внимание на утрате армянскими царствами политической независимости и на трагедии армянского народа, ушедшего с родной земли, положив тем самым начало диаспоре. Учитывая детальную разработанность этих вопросов, мы не будем их специально касаться в настоящей статье. Нас интересуют не результаты, а пути и методы византийской экспансии. Определенный свет на эти методы может пролить, как нам кажется, изучение отношения современников к Византии, выяснение тенденций современных экспансии историков.

Рассматриваемые авторы, различные по происхождению, образованию, таланту, задачам и стилю работы, обладают и некоторой общностью, позволяющей проводить сравнение между ними:

1) они описывают основные этапы экспансии Византии на Восток в X—XI вв.;

2) они—очевидцы или близки по времени к описываемым ими событиям (что упрощает вопрос об их источниках);

3) и, самое главное, все они писатели национальные и как таковые отражают этапы современного им общественного сознания, что делает их взгляды особенно ценными для нас.

⁴ Этот вопрос мало разработан в историографии. Непосредственно ему посвящен только доклад советских византинистов на XIV Международном конгрессе византиноведов (З. В. Удальцова, А. П. Каждан, Р. М. Бартикян, Социальная структура восточных границ Византийской империи в IX—XII вв., „XIV Congrès International des Études Byzantines, Rapports“, II, Bucarest, 1971, стр. 21—26).

Историк Степанос Таронечи по прозванию Асохик, автор «Всеобщей истории»⁵, третью часть своего труда назвал «Историей времен, повествуемых самостоятельно». Начинается она от времени царствования царя Абаса (929 г.) и доведена до 1004 г. Это период политического и экономического расцвета Армении, получивший в историографии название «эпохи мирного строительства», хотя, разумеется, в это время были и столкновения с арабскими владетелями, и феодальные междоусобицы.

На этот же период приходится и ряд важнейших этапов поступательного движения Византии на Восток: аннексия Тарона, присоединение Маназкерта, Антиохии, владений Давида Куропалата. «В 415 (966 г.),—пишет Асохик,—было затмение солнца, скончался Ашот, князь Таронский, и греки завладели Тароном» (стр. 183). Столь же эпически рассказывает Асохик и о взятии Маназкерта. «В 417 (968 г.) Вард, племянник по брату Никифора, пришел с многочисленным войском в Апахунник, окружил город Маназкерт, а, взяв его, срыл до основания городские стены, а в 418 (969 г.) взял великий сирийский город Антиохию» (стр. 183)⁶. Тон повествования не меняется — судьба Тарона и Маназкерта и судьба Антиохии описываются одинаково бесстрастно. Асохик рассказывает о войнах империи с арабскими владетелями, в результате которых многие малоазийские территории отошли к Византии (стр. 184, 186—187, 245, 260—263, 264—265, 374), и восхваляет мужество византийских императоров и полководцев, среди которых было немало армян (Тарониты, Далассины).

Значительное место уделяет Асохик восстаниям малоазийских феодалов против империи⁷. При этом Варда Склир, избранный царем, все же чаще именуется им «*բռնապետ*» (тиран, захватчик). Интересно, что несмотря на то, что в восстаниях Варды Склира, Варды Фоки, Никифора Црвиза и Ксифия принимали деятельное участие многие армянские князья, для Асохика все эти смуты не свое, не кровное армянское дело, все это, по Асохику, происходило «в греческом государстве» (*ի Բաղադատի Գրիկն Յանաք*, стр. 192). Последней искрой мятежей было выступление магистра Чордванела, которого разбил в Дерджане патрикий Иоанн. «С той поры, — отмечает Асохик, — вся Греция, покоренная под власть Василия, стала наслаждаться миром» (стр. 251, см. также стр. 260). Иными словами: во-первых, все происходившее касалось непосредственно Византии и ее императора, а во-вторых, Асохик скорее на стороне последнего⁸.

⁵ «Ստեփաննոսի Տարոնեցու Ասոխիան Պատմութիւն տիեզերական», Պետերբուրգ, 1885. Страницы, указанные далее в тексте, приведены по этому изданию.

⁶ Перевод по Н. Эмину, см. «Всеобщая история Степаноса Таронского Асохика по прозванию, писателя XI столетия». Переведена с армянского и объяснена Н. Эминым, М., 1864, стр. 127.

⁷ Главы XXIV—XXVII.

⁸ Асохик отмечает мужество армянских отрядов, входивших в войско мятежников, храбрость Григора и Баграта, сыновей князя Таронского, и князя Мокка, которые наводили ужас на греческое войско (стр. 191), однако сам мятеж Варды
13 Հանդես. № 2

Дальнейшая экспансия империи на Востоке связана с новым походом Василия II в Сирию (см. гл. XLII, стр. 274) и присоединением владений Давида Куропалата. Асохик пишет: «так как у него не было ни сына, ни брата, которые бы унаследовали престол его царства, он поручил своих вассалов и свою страну (*ղաղափառներն և դաշխարն*) греческому царю Василию» (стр. 275).

Вину за обострение отношений между Византией и Грузией Асохик возлагает всецело на грузинского царя Гургена, а мирное завершение конфликта связывает с терпимостью и миролюбием Василия II, который «выполнил желание Гургена» (стр. 279).

Асохик рассказывает, с каким почетом встречал и как щедро одаривал император явившихся к нему армянских владетелей (стр. 277). Он даже отправил послания к соседним арабским эмирам с требованием оставить в покое Васпуракан (стр. 281).

Асохик немного, но благожелательно рассказывает и о внутренней политике империи. Василий II переселил «часть армян из находившихся под его властью в Македонию, чтобы... дать им возможность заняться устройством страны» (стр. 201). Армянский историк отмечает веротерпимость Василия II (стр. 276). И вообще, по его словам, император «остановил нашествия, облегчил тяжкие налоги и положил конец грабежам и пленению» (стр. 281)⁹. Так освещается политический курс Византии у Асохика на первых этапах движения империи на Восток.

«Повествование» Аристакэса Ластивертци¹⁰ было написано между 1072 и 1087 гг. и охватывает события с 1001 по 1072 гг. Автор—современник и очевидец захвата Византией обширных малоазийских территорий и армянских земель, завершения экспансии Византии на Восток и нашествия сельджуков. К. Н. Юзбашян обратил внимание на то, что Аристакэс далеко не был таким ярким противником византийского владычества, как следовало бы ожидать¹¹. Исследователь полагает, что «двойственное отношение Аристакэса к византийской политике» проистекает от «происхождения его с имперской территории (из г. Арца)», а также оттого, что ромен были «все же предпочтительнее сельджуков»¹². В какой мере происхождение с территории, захваченной империей, могло способствовать симпатиям к империи, — вопрос сложный.

Склира не вызывает его одобрения. К. Н. Юзбашян вслед за Н. Адонцем полагает, что сыновья Ашота Багратуни примкнули к восстанию Склира из-за «острого недовольства византийским владычеством» (в кн.: «Повествование вардапета Аристакэса Ластивертци». Перевод с древнеармянского, вступительная статья, комментарий и приложения К. Н. Юзбашяна, М., 1968, стр. 18—19). Однако не надо забывать, что целью этого восстания была отнюдь не отмена византийского владычества в Тароне и вообще в Армении; речь шла просто о замене одного императора другим.

⁹ Перевод по Н. Эмину, стр. 180.

¹⁰ «Արիստակերտի Լաստիվերտցոյ Պատմութիւն», Երևան, 1963. Страницы в тексте приведены по этому изданию.

¹¹ «Повествование», стр. 25.

¹² Там же, стр. 28—29, 34.

Параллелей между ромеями и сельджуками Аристокэс, в отличие, например, от Маттеоса Урхаеци (см. ниже), нигде не проводит. Кроме того, терпимость к Византии, характерная не только для Аристокэса, но и для младших и старших его современников, нуждается в объяснениях, приложимых ко всем этим писателям. «Двойственность», пожалуй, не совсем точное определение отношения Аристокэса к византийской экспансии. На наш взгляд, он придерживается единой и очень четкой концепции по отношению к политике Византии: везде, где Аристокэс порицает акции политического курса Византии, он делает это с оговорками. Так, он намекает, что Василий II инспирировал убийство Давида Куропалата, и тут же рассказывает о казни,—очевидно, по приказу императора—тайкских азатов, замешанных в этом преступлении (стр. 23).

Глава X, посвященная падению Ширакского царства, захвату Ани—это плач о гибели «страны нашей Армянской». В ярких, удивительно драматичных выражениях описывает Аристокэс запустение некогда богатой и цветущей земли. Ромейские войска четырежды вторгались в Ширак, Ани был захвачен «не по закону войны», а «лукавой речью», Константин IX Мономах нарушил клятву на кресте,—казалось бы, полное и безоговорочное осуждение политического курса Византии. Однако и здесь империя виновата не одна, следовательно, не так уж виновата: ответственность за падение Ани делят с ромеями провизантийская группировка Саркиса Айказна и католикоса Петроса Гетардза, некий священник Кюракос, спрятавший, а позже продавший грамоту Константина VIII о самоуправлении Армении, Гагик II, покинувший страну «из-за незрелого ума и боязливости», и т. п. (стр. 55—64)¹³. Примеры наблюдений такого рода можно было бы умножить.

По большей же части политические акции империи воспринимаются Аристокэсом почти без оговорок. Давид Куропалат, по Аристокэсу, передал свои земли императору Василию II, как вассал сюзерену. О каком бы то ни было нажиме историк не упоминает (стр. 35, 20—25). Вину за войну ради наследства Давида он возлагает не на Василия II, а на грузинского царя Георгия I, не вернувшего владения, некогда пожалованные империей Давиду (стр. 25): «Справедливый господь воздал ему через посредство ромеев» (27, 20; см. «Повесть о нем» в пер. К. Н. Юзбашяна, стр. 59). Аристокэс все время подчеркивает миролюбие и терпимость Василия II (стр. 36, 6—8; 37, 24—26). Он называет Василия «могущественным императором, постоянным победителем в войнах, увлеченным подвигами мужества» (*յարրաշէանքն րաշտարեանց, «Պատմութիւն»*, стр. 42, 6—8, «Повесть о нем», стр. 71). Столь же хвалебно отзывается Аристокэс о Константине VIII, «муже миро-

¹³ О коллективной ответственности за падение Ани см.: К. Н. Юзбашян, «Повесть о нем» Аристокэса Ластивертци и закат «эпохи Багратидов». Автореферат докт. дисс., Л., 1975, стр. 19.

любивом и щедром» (стр. 40, 20), осмотрительном и мудром (стр. 41, 9—10). Именно Константину VIII Аристокэс приписывает указ, дарующий Армении самоуправление на вечные времена (стр. 57, 1—17). Он одобряет дипломатию Феодоры, откупившейся от набегов султана (стр. 95, 24—25; 96, 1—8; 101, 19—21), пишет о помощи, которую оказал Василий II брату Ованнеса-Смбата Ашоту Багратуни (стр. 28, 1—7), отмечает между прочим, что все поднимавшие мятеж против императора ромеев кончали позорным образом (стр. 33, 15—20).

Какой же предстает внутренняя политика Византии на завоеванных ею землях в освещении Аристокэса? Страна опустела. Князья, цари и азаты рассеялись по чужим землям, сам же Аристокэс пишет об этом в своих плачах-отступлениях. И в то же время он подчеркивает, что азаты не по принуждению, а по убеждению (хотя бы и «лукавыми речами») пересхали в империю и там получили новые владения (стр. 41, 17—21).

Исследователи чаще приводят данные Аристокэса о разгуле сельджукского нашествия и в Армении и в соседних областях, о поражениях ромейских войск. Однако у Аристокэса есть немало данных и об успехах империи, направленных на оборону восточных провинций. Так, историк пишет о строительстве оборонительных сооружений, о восстановлении Феодосополя (стр. 28, 8—11). Аристокэс рассказывает о сражении с сельджуками византийских наместников фем Тарон, Васпуракан, Иверия, Месопотамия (стр. 80—81), отмечает, что византийцы сосредоточили в восточных провинциях военные контингенты: «на востоке было значительное количество ромейской конницы, которая защищала страну—число ее, говорят, доходило до 60 тысяч» («Պատմութիւն», стр. 80, 7—8; «Повествование», стр. 94). Аристокэс восторженно повествует об успешной обороне Маназкерта от сельджуков, возглавленной комендантом города ишханом Василем (Василием Апокапом,— В. А.). В городе, очевидно, находился византийский гарнизон, поскольку Аристокэс упоминает «некоего военачальника из ромейских войск» (стр. 92, 21), изготовившего так называемый «греческий огонь», проникшего во вражеский лагерь и поджегшего осадную машину сельджуков (стр. 92—93).

Ромейские военачальники пытались защищать вверенные им области, хотя и не всегда успешно из-за численного перевеса сельджуков (см., например, о вылазке отряда ромейского гарнизона Мелитины, о сражении с сельджуками гарнизона крепости в Хордзене—стр. 116, 13—14; 118, 1—7). Аристокэс восхищается Феодором, сыном Аарона, таронским наместником (стр. 96—97), проявившим отвагу в битвах с сельджуками. И, наконец, с уважением и сочувствием пишет он о мужестве и трагической судьбе Романа IV Диогена (1068—1071) (стр. 137). С гибелью Диогена Аристокэс связывает крушение могущества ромейской державы (стр. 140). Таково отношение Аристокэса к политическому курсу Византии.

В конце «Истории дома Арцруни»¹⁴ есть приложение (гл. XII), содержащее краткий обзор истории княжества Васпуракан от года смерти царя Гагика Арцруни до первой четверти XII в. В нем упоминаются годы 1021, 1041, 1097 и 1121. Автор приложения (второй аноним этого источника) жил при Хеденеке, внуке князя Абдельмсеха Арцруни, владельца крепости Амюк, из той ветви семьи Арцруни, которая осталась на родине. Последнее событие труда анонима датируется 1121 г., т. е. автор жил в начале XII в. и был старшим современником Аристикэса Ластивертци. Не будучи очевидцем событий, он опирался, по-видимому, на непосредственную традицию¹⁵. Из интересующих нас событий он описывает переселение в Византию Сенекерима Арцруни в 1021 и Гагика Багратуни в 1041 гг. Описание политики Византии здесь почти идилично. Армянские цари добровольно передают свои владения, — император ромеев принимает их с почестями и дарами и дает им равноценные и даже лучшие владения: вместо просто городов—города великие (*մեծամեծ*), взамен крепостей—неприступные (*անմատոյց*) крепости (стр. 499—500).

Следующий по времени источник—«Хронография» Маттеоса Урхаеци¹⁶. Маттеос родился и жил в Эдессе (Урхе) во второй половине, может быть, в конце XI в. и умер между 1138 и 1144 гг. Его труд состоит из трех частей. Первая часть охватывает события с 952 по 1051 гг., вторая—с 1051 по 1101 гг., третья—с 1101 по 1136/37 гг., т. е. интересующий нас период времени описан в первой и второй частях его работы, и если события последних лет второй и третьей части происходили при нем, то для первой и большей части второй он пользовался какими-то источниками. Сам Маттеос пишет, что историю событий 952—1051 гг. он изложил на основании рассказов «много раньше родившихся очевидцев и свидетелей и читая труды старых историков, бывших очевидцами всех происшествий» (стр. 112).

До недавнего времени было неясно, какого или каких историков имеет в виду Маттеос, так как он не использовал ни одного из известных нам историков этого периода (Шапух Багратуни, Ованнес Драсханакертци, Степанос Таронечи—Асохик, Аристикэс Ластивертци). В 1971 г. появилась статья Л. С. Хачикяна, в которой он рассматривает новооткрытые фрагменты исторического труда вардапета Акопа Санаинци и убедительно доказывает, что именно этот труд является главным первоисточником первой и ряда мест второй частей «Хронографии»¹⁷. Акоп Санаинци умер в 1085 г. в Эдессе. Соответственно *terminus ante quem*

¹⁴ «Քրոնիկոյի Վարդապետի Արժրուհեոյ Պատմութիւն տանն Արժրուհեաց», Թիֆլիս, 1917:

¹⁵ См. М. Абебян, История древнеармянской литературы, Ереван, 1975, стр. 255.

¹⁶ Մատթեոս Արխայեցի, Ժամանակագրութիւն, Հաղարշապատ, 1898: Ниже страницы этого издания приводятся в тексте.

¹⁷ Л. Խաչիկյան, Հակոբ Սանահնեցի՝ Ժամանակագիր XI դարի, «Вестник Ереванского университета», 1971, № 1, стр. 22—48.

его работы — 1085 г., следовательно, он современник Аристокеса Ластивертци.

Рассказывая о действиях Византии на Востоке середины X в., Акоп Санаинци полностью сочувствует ромеям, отнимающим у арабов малоазиатские территории. Военачальники и императоры удостаиваются его похвал, например некий Паракаманос, захвативший Самосату (стр. 2), или Никифор Фока, взявший Тарс, Адану, Мсис, Анаварзу («муж добрый, святой и благочестивый, исполненный добродетели и справедливости») (стр. 5). Автор сочувствует поражению domestika Млеха у Амиды (стр. 14) и описывает союз между императором Иоанном Цимисхием и царем Ашотом Багратуни как сотрудничество в борьбе с арабами. Письмо Иоанна Цимисхия Ашоту об успешном продвижении по Сирии, Финикии и Палестине воспринимается читателем как отчет союзнику, содействовавшему успеху похода войсками и снаряжением (стр. 17, 18—27).

В своем продвижении на восток Византия присоединяет владения Давида Куропалата; автор первой части «Хронографии» фиксирует только расправу греческого императора с убийцами Давида (стр. 38), отмечает союз «любви и единения» (*եղև սէր և միտքանութիւն մեծ*) между Василием II и васпураканским царем Сенекеримом (стр. 42), затем пишет, что 20 лет спустя после заключения этого союза (1021 г.) Сенекерим, теснимый тюркскими племенами, передал 72 области и 4400 деревень Васпуракана Василию II, а последний, помимо того, что отдал Севастию «со множеством гаваров» Арцрунидам, усыновил старшего сына Сенекерима Давида в св. Софии (стр. 49). И далее автор неоднократно подчеркивает, что Давид относился к Василию II как сын к отцу, т. е. как верный вассал¹⁸.

Подобно Аристокесу, автор не одобряет мятежей против ромейских императоров, отмечая, например, что Склир—нечестивец и мятежник, а армянские войска—союзники ромеев в войне против него (стр. 33—34).

Повествуя о дальнейшем продвижении Византии, историк отмечает, что Василий II потребовал от армянского царя Ани и Карс и получил соответствующее письменное обещание (стр. 49—50), а при Константине Мономахе Ширакское царство отошло к Византии. При этом повествование по общему тону сходно с произведением Аристокеса Ластивертци. Вина ромеев умаляется вероломством содействовавшей им армянской провизантийской группировки (стр. 94—95). Константин IX Мономах, из-за которого «разрушилось царство Багратидов» (стр. 97) и тюрки стали нападать на армянскую землю, конечно, подвергается резкому осуждению (стр. 102), но вообще негативных оценок Византии

¹⁸ После того как Давид убил мятежного Никифора Црвиза, Василий даровал ему Кесарию, Цамндав и Хаватанек (стр. 51). Ср. также обращение сыновей Сенекерима к памяти Василия II, когда их заподозрили в попытке поднять мятеж против Византии (стр. 82—83).

и ее деятелей в этой части немного, и чаще осуждаются не политические акции, а моральные качества (например, осуждаются Иоанн Цимисхий и Феофано, убившие Никофора Фоку,—стр. 6—7, 12, или императрица Зоя, по приказу которой был убит Роман III,—стр. 64). Обычно ромейские военачальники и императоры удостоиваются панегириков. Особенно восхваляется Василий II (при котором, кстати сказать, или были присоединены к империи армянские земли, или были созданы предпосылки для этого присоединения) (стр. 30), ему приписывается посмертный наказ Константину VIII заботиться об армянском народе и его князьях (стр. 55). Религиозная политика Византии в этой части «Хронографии» отличается терпимостью¹⁹.

По мнению хрониста, сам Василий II принял армянское вероисповедание и был признан *զհար աշխարհի հայոց* — «отцом страны Армянской» (стр. 50). В очень интересном пророчестве, которое автор вкладывает в уста вардапета Иоанна Козерна, содержится сообщение о приходе крестоносцев, о тех неисчислимых бедствиях, которые принесет христианским народам нашествие «персов» (тюрок-сельджуков), о ромеях же сказано только, что через 50 лет они победят «персов» и восстановят свое господство на всей земле (стр. 73—74).

Можно заключить, следовательно, что первая часть «Хронографии» Маттеоса Урхаеци, чей бы исторический труд ни лег в ее основу, в общем отмечена терпимым, иногда даже одобрительным отношением к восточной политике ромеев. Она резко контрастирует со второй частью, которую историк писал самостоятельно со слов очевидцев, «отцов наших», и по своим собственным впечатлениям уже в начале XII в. (1113—1121 гг.).

В первых же строках второй части ромеи уравниваются с «нечестивыми тюрками» по степени бед, которые они принесли армянскому народу (стр. 113); следует рассказ о насильственных обращениях в халкидонитское вероисповедание, о сожжении сирийского евангелия греческим епископом Антиохии и тут же о возмездии—землетрясении, жертвой которого стал епископ, греческие церкви и вообще большая часть Антиохии в 1053 г. (стр. 114—117).

Междоусобица претендентов на византийский престол приносит неисчислимые беды христианам (стр. 125). Однако, сражаясь между собой, византийцы совершенно не в состоянии противостоять нашествиям извне. Если Аристакэс отмечает, что гарнизон ромейской крепости сразился с сельджукским отрядом, разграбившим Мелитину, то у Мат-

¹⁹ Василий II завещает Константину VIII (1025—1028), которого наш автор называет «добрым и боголюбивым», заботиться об армянах, как и вообще обо всех христианах (стр. 55),—нет речи о различиях в догме. Василий призвал армянского вардапета Самвела разобраться в споре о праздновании пасхи и щедро одарил его за мудрость (стр. 42—43); переписка между греческими и армянскими церковниками, приведенная автором, лишена ожесточения (стр. 38—39). Армянских католиков с почетом встречают в Константинополе (прибытие в столицу Византии Петроса Гетадардза—стр. 104—105).

теоса ромен даже не посмели вступить в битву с сельджуками, которых позже разгромил храбрый Торник Мамиконян (стр. 131). Вслед за рассказом о героическом поведении Торника Маттеос нагнетает ужасы: зверства тюрок, красный снег, голод, смерть, и в заключение обличает причину этих несчастий—вероломное племя ромеев, «которые разрушили стену крепости дома армянского и оставили его открытым для оружия персов (тюрок-сельджуков,—В. А.), а тюрки нашли беззащитным весь Восток, и в это время усилилась военная мощь иноплеменников, и в течение года завоевали они всю землю ромеев и приморские города и острова и достигли ворот Константинополя и заперли как пленников народ греческий в Константинополе» (стр. 135—136).

«Многие гавары не были готовы [к обороне]», пишет Маттеос Урхаеци (стр. 138), ромейские командиры из-за зависти друг к другу не могли действовать совместно и тем самым успешно против сельджуков (дука Эдессы Даватанос погиб у Амиды из-за коварства Франкопола (1063 г., стр. 142—144); Бехт-дука Антиохии выступил против тюрок, а помощник («проксимос») дукки Эдессы Пигонита по его приказу предупредил неприятеля о приближении антиохийских отрядов (1066—1067 гг., стр. 157—158). В падении Ани (1064 г.) виновны нечестивые (*անորէն*) ромейские князья (стр. 148). Даже если ромейские отряды вступают в сражение с сельджуками, они чаще всего терпят поражение (например, сражение у Кесарии в 1067 г., где потерпел поражение Арвандан, дук Эдессы,—стр. 186—188, ср. также о поражении у Севастии,—стр. 193).

Маттеос пишет о стремлении ромеев подчинить армянскую веру греческой, упразднить престол католикоса или сделать его халкидонитским (стр. 137, 221). С восторгом отзывается он о Гагике II, защитнике армянского вероисповедания (стр. 162—178).

У Маттеоса далеко нет того сочувствия, которое высказывает Аристокс к мужественному и несчастному Роману Диогену. Оказывается, Диоген поверил наветам на армян и решил уничтожить их веру. Его прокляли армянские вардапеты, потому он и не вернулся с поля боя (стр. 198). В уста Алп-Арслана, узнавшего об убийстве Диогена, Маттеос вкладывает суждение, что «ромей—народ, не знающий бога», который нужно уничтожить (стр. 203).

Маттеос рассказывает о гибели Васака Пахлавуни, дукки Антиохии (стр. 213), ширакского князя Епихта (Бехта) (стр. 214—215), наконец, Гагика II Анийского (стр. 219—220) от руки «коварных ромеев». Он с ненавистью пишет об армянах, принявших ромейское вероисповедание (например о Филартосе Варажнуни, стр. 206—210).

Нет никакой необходимости приводить здесь все высказывания Маттеоса Урхаеци о ромеях. Если в трудах Аристокса Ластивертци и Акопа Сананици²⁰ определенная сложность акцентов в описании различ-

²⁰ Так вслед за Л. С. Хачикяном мы называем автора произведения, легшего в основу первой части «Хронографии».

ных моментов византийской экспансии обязывает к рассмотрению всех (или почти всех) этих мест, то отношение Маттеоса к ромеям и к их восточной политике в собственно ему принадлежащей части «Хронографии» резко и однозначно негативно²¹. Третья часть «Хронографии», события которой выходят за рамки рассматриваемого здесь периода, также отмечена безоговорочным осуждением ромеев, как, впрочем, сельджуков и франков²².

Итак, Асохик, Аристахэс, Акоп Санаинци, Аноним Арцруни рассказывают о движении Византии на Восток, об аннексии империей малоазийских и армянских земель в общем спокойно, и даже повествуя о трагических событиях, задевающих кровные национально-государственные интересы армян, приводят какие-то оправдания имперскому политическому курсу, а Маттеос Урхаеци говорит о восточной политике ромеев не иначе как в форме обличений и проклятий (см. например стр. 135—136). Между тем первые четыре автора так же резко отличаются друг от друга по образованию, таланту, задачам и стилю работы, как и от Маттеоса, и нет, казалось бы, никаких причин для такой близости в их суждениях о Византии. Единственное, что сближает их между собой и удаляет от Маттеоса,—это чисто временной фактор. Действительно, Асохик писал в самом начале XI в., события третьей части его «Всеобщей истории» доведены до 1004 г., Аристахэс описывал события с 1001 по 1072 г., Акоп Санаинци — до 1085 г., последняя дата второго анонимного продолжателя «Истории дома Арцруни»—1121 г., а у Маттеоса Урхаеци—1136/37 г. Иными словами, Асохик, Аристахэс, Акоп Санаинци, Аноним Арцруни—очевидцы или близки по времени к экспансии Византии, в то время как Маттеос Урхаеци отделен от этих событий целым поколением.

Таким образом, чем ближе армянский историк во времени и пространстве к основным событиям экспансии, тем терпимее он к ним относится, чем дальше он от них, тем негативнее их оценивает. При этом все позднейшие исследователи восприняли оценку экспансии Византии именно от Маттеоса Урхаеци. Во всех работах, так или иначе

²¹ Нельзя сказать, что в «Хронографии», где безоговорочно осуждается восточная политика Византии, нет ни одного доброго слова о ромеях вообще, однако процент таких высказываний ничтожен (см. например, стр. 122, 212, 216, 217).

²² Такая же тенденция прослеживается и у продолжателя Маттеоса—Григория Монаха, доведшего повествование до 1162/1163 г. Он считает ромеев главными врагами армян, осуждает и крестоносцев, захвативших владения армянских князей. Сведения об интересующих нас событиях в «Хронике» Самвела Анеци, современника Григория Монаха, взяты из вторых рук, очень скупы и отрывочны и не дают возможности выявить отношение автора к событиям. См. «Սամուէլի քահանայի Անեցոյ Հաւարմանը», Վաղարշապատ, 1893, стр. 101—114. Смбаг Спарпет, историк XIII в., описал в своей «Летописи» события с 951 по 1276 гг. (1276—terminus ante quem). Основной его источник для описания событий с 951 по 1156 гг.—«Хронография» Маттеоса, и он почти дословно повторяет уничтожающие суждения своего источника о ромеях и об их восточной политике. См. «Սմբատայ Սպարապետի Տարեգրքը», Վենետիկ, 1963.

касающихся политического курса Византии на Востоке в XI в., этот курс объявляется одновременно «коварным», «близоруким и недальновидным», а поражение при Маназкерт — логическим завершением этого курса. Получается, с одной стороны, что Византийская империя, прославленная своей мудрой, даже изощренно мудрой политикой в отношении сопредельных стран, постоянно и планомерно ослабляла свои границы на Востоке, с другой же стороны, что обширные территории со значительным населением, развитой экономикой и торговлей, с цветущими городами под управлением сильных владетелей, обладавших боеспособным войском, покорились Византии в результате ее «неразумной и недальновидной политики».

Источники, однако, позволяют утверждать, что Византия провела серьезную подготовку своей экспансии на Востоке, включавшую тщательное изучение местных условий (см. труды Константина Порфирородного), создание провизантийских группировок (таких, как партия Саргиса Айказна и католикоса Петроса Гетадардза, облегчившая Константину IX захват Ани), дипломатическую игру с владетелями, раздачу титулов и привилегий. Захват восточных земель, растянувшийся на столетие, проходил на узаконенных основаниях²³.

Владетели либо оставляли Византии свои земли по завещанию, либо обменивали их на имперские территории. Военные действия (только в случае крайней необходимости) имели в этой системе завоевания меньший удельный вес, чем дипломатия (см. образование фем Тарон, Ивирия, Васпуракан). Эта «деликатность» аннексии несомненно оказывала влияние на суждения современников о ней — в особенности если учесть, что аннексия Византии пришлось на то столетие, которое отделяло владычество арабов от нашествия сельджуков, чьи методы завоевания Армении значительно разнились от византийских. Например, Тарон или Васпуракан отходили к Византии в результате дипломатического нажима, а к арабам или сельджукам — просто потому, что они физически уничтожали население, предавая огню и мечу города и села целых областей; если империя переселяла армянских владетелей в глубь своей территории, то мусульманские завоеватели истребляли армянские княжеские семейства, сжигали их жилища, подвергали пыткам²⁴.

Разумеется, в результате и арабская, и византийская, и сельджукская агрессии вели к утрате политической независимости армянских царств и княжеств и к подпадению их под власть иноземцев, и последующие историки (будь то Маттеос Урхаеци или современные исследователи) вправе ставить между этими агрессиями знак равенства, счи-

²³ См. К. Н. Юзбашян. «Повествование» Аристакеза Ластивертци и закат «эпохи Багратидов», стр. 12, 20—21.

²⁴ Вспомним хотя бы свидетельства Ованнеса Драсханакертци о зверствах арабов («Հովհաննէս Կաթողիկոսի Երասխանակերտցոյ Պատմութիւն Հայոց», Մոսկվա, 1853, стр. 88—94) или Аристакеза Ластивертци о сельджуках («Պատմութիւն», стр. 78—79, 84—89 и сл.).

тая методы завоевания второстепенным моментом, однако современники событий, чьих жизней непосредственно касались эти методы, такого знака равенства поставить не могли²⁵.

Исследователи, ссылаясь на Маттеоса Урхаеци, утверждают, что Византия, захватывая малоазийские и армянские территории, переселяя князей, их военные дружины и часть населения в глубь империи, разрушила барьер между собой и ордами кочевников. Иными словами, предполагается, что если бы Византия не захватила Армению и смежные с ней территории и не основала бы на этих землях свои военно-административные округа (фемы), то восточные владения империи были бы в безопасности под защитой отрядов армянских владетелей. Трудно, разумеется, судить о том, что ждало бы империю, если бы она в X в. не начала победоносного движения на Восток; история не дает возможности проводить эксперименты. Однако можно предполагать, не выходя далеко за пределы реальной вероятности, что судьба Византии и в этом случае вряд ли была бы иной. Какие силы могла бы противопоставить сельджукам полчищам Армения—не централизованное государство с армией под единым командованием, но раздробленная на ряд мелких царств и княжеств, нередко враждовавших между собой? Какое время могли бы эти силы держать щит перед Византией? Учитывая опыт арабского завоевания, очевидно, не слишком долго.

Напротив, идея организации крупных военно-административных округов из мелких политических образований была весьма выгодной для Византии. Наместники фем, подчиняющиеся единым приказам из Константинополя и долженствующие объединять свои силы перед лицом наступающего врага²⁶, могли оказать более эффективное сопротивление, нежели независимые друг от друга владетели.

Переселение армянских владетельных князей в глубь империи, очевидно, помимо прочего, преследовало и цель убрать из аннексированных областей лиц, чей авторитет в глазах населения мог быть с успехом противопоставлен авторитету византийских наместников. Вслед за владетелями уходила и часть населения, однако массового переселения не было. Даже самое крупное переселение—исход васпураканцев в Себастию вслед за Сенекеримом Арцруни, отнюдь не обезлюдило Васпуракан²⁷.

²⁵ В частности, армянские политические и церковные деятели видели в великой христианской державе союзницу в борьбе с мусульманскими завоевателями, см., например, послание католикоса Ованнеса Драсханакерци императору Константину (*«Հովհաննու կաթողիկոսի Պատմութիւն»*, стр. 148—154).

²⁶ См., например, о совместных действиях против сельджуков Аарона, правителя Васпуракана, и Катакалона Кекавмена, катепана Ивирии— Georgius Cedrenus Joannis Skylitzae *op. e.* Bonn. 1838, t. II, стр. 573, 19—23; 574, 1—5.

²⁷ В частности, армянские политические и церковные деятели видели в великой христианской державе союзницу в борьбе с мусульманскими завоевателями, см., например, послание католикоса Ованнеса Драсханакерци императору Константину (*«Հովհաննու կաթողիկոսի պատմութիւն»*, стр. 148—154).

В хронике Маттеоса Урхаеци упоминается некий Хачик, князь из васпураканского гавара Торнаван, сыновья которого Хасан и Чнчилук с войсками находились на службе императора Миханла²⁸. Не указано, проходила ли служба императору в Константинополе, или же они находились при византийском наместнике Васпуракана. В пользу последнего предположения говорит быстрота, с которой Хасан отомстил за смерть отца и младшего брата, погибших во время набега мусульман из Гера и Саламаста²⁹. Есть и другие свидетельства источников, доказывающие, что в византийских фемах, организованных на армянских землях, оставались армянские военные силы³⁰.

Эти факты могут поколебать установившееся в историографии представление о том, что Византия, переселяя правящие дома Армении с их дружинами в глубь империи, полностью лишала страну ее военных сил. На месте оставались менее крупные князья, прежде бывшие вассалами Арцруни и Багратидов, а затем ставшие подданными империи в лице ее наместников, и их отряды, очевидно, составляли немалую часть фемного войска. Скилица полагает, что распущенное по приказу Константина IX Мономаха местное войско фемы Ивирия включало в себя около 50000 человек³¹. Лев Сервлия, который распустил эти войска и ввел вместо этого новые налоги, упоминается в «Советах и рассказах» Кекавмена. «Сервлия,—пишет Кекавмен,—отправившись по его (Константина Мономаха,—В. А.) приказу в Ивирию и Месопотамию, чтобы произвести опись имущества и наложить подати, которых никогда не ведали тамошние жители, осуществил это»³². Эта акция правительства Константина Мономаха, дружно и резко осуждавшаяся и в источниках и исследователями, очевидно, шла в русле общего процесса быстрой тагматизации византийской армии, начавшейся в середине X в.³³ Разумеется, регулярные тагмы (состоявшие из наемных войск, местных и иностранных) не могли сразу восполнить значительную

только исход васпураканцев, которые, как мы видим, не ушли в Византию всей областью. Впрочем, далее Бартикян отмечает: «миграция армян на запад приобрела большие масштабы, особенно после завоевания Армении сельджуками» (Р. М. Бартикян, Миграция армян в XI в.: причины и последствия, «XV Congrès International d'Études byzantines. Rapports», Athenes, 1976, стр. 6—7, 8).

²⁸ *У ш и р т и и*, стр. 90.

²⁹ Там же.

³⁰ См. там же, стр. 75, 88. а также Skylitz.-Cedren., II, 571, 3—4; см. также Р. М. Бартикян, указ. соч., стр. 10—11.

³¹ Skylitz.-Cedren., II, 698, 20—24.

³² Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в. Подготовка текста, перевод и комментарий Г. Г. Литаврина, М., 1972, стр. 152.

³³ Р. М. Бартикян полагает в этом роспуске дисциплинарную меру. Он считает, что Константин IX распустил армянские отряды с тем, чтобы лишить возможные выступления местного населения против Византии поддержки регулярного войска и вспоминает в связи с этим реформы Юстиниана I, который упразднил армянские вооруженные силы Четвертой Армении и ввел там византийские гарнизоны (указ. соч., стр. 15).

убыль сил, защищавших фему, а новые налоги, введенные вместо воинской повинности, конечно, порождали недовольство населения.

В настоящей статье трудно охватить все аспекты политического курса Византии, направленного на ромеизацию новых фем империи. Однако следует отметить, что наряду с мероприятиями, вызывавшими недовольство населения (такими, как внедрение халкидонитского вероисповедания и имперской налоговой системы), были и мероприятия, им одобряемые: строительство крепостей, служивших пунктами обороны, войны с арабскими владетелями, некоторое облегчение налогов и т. п. Это одобрение отдельных мероприятий империи, войдя в общественное сознание, должно было найти отражение и в произведениях национальных писателей, служа основой для смягчения их тона в отзывах о византийской экспансии, которая все же «разрушила царство Армянское», привела к утрате политической самостоятельности, к уходу с родной земли части наиболее энергичных сил страны, положила начало миграции, столь трагично вошедшей в жизнь армянского народа в последующие века.

Однако, если не говорить о трагедии армянского народа, которая вряд ли могла интересовать византийских политиков, и о близком нашествии сельджукских полчищ, весь размах которого они, по-видимому, не могли себе представить,—византийский политический курс в Армении и на смежных с ней малоазийских территориях был тщательно продуманным путем к укреплению пограничных территорий империи. В него входили:

- 1) централизация завоеванных земель путем объединения их в крупные военно-пограничные округа (фемы);
- 2) учет халкидонитских слоев населения и стремление внедрить имперскую ортодоксальную религию;
- 3) переселение царей и владетельных князей с их военными отрядами в глубь империи;
- 4) продуманность в назначении фемных наместников (с учетом внешних и внутренних условий)³⁴;
- 5) вхождение местных отрядов в фемные войска империи.

Все эти политико-дипломатические мероприятия свидетельствуют как об изощренности византийского политического курса, опирающегося на многовековой опыт владычества над народами и непрерывность государственной традиции, так и о стремлении создать укрепленную пограничную зону. Однако стремительность наступления сельджуков не оставила времени на то, чтобы эти мероприятия успели принести плоды. Иными словами, имела место политика вполне разумная и дальновидная, пришедшая в конфликт с изменившимися внешне-

³⁴ Подробнее об этом см.: В. А. Арутюнова-Фиданян, Византийские правители фемы Ивирия, «Вестник» АН АрмССР (обществ. науки), 1973, № 2, е е же, Византийские правители Эдессы в XI в., «Византийский временник», т. 35, 1973; е е же, Фема Васпуракан, там же, т. 38, 1977.

политическими обстоятельствами. Успех тюркок-сельджуков зиждился, по нашему мнению, главным образом на том, что к моменту их наступления на востоке старая система обороны этих земель (наследственные владетели и их отряды) была разрушена, а новая имперская не успела закрепиться.

Очевидцы проведения в жизнь мероприятий Византии в какой-то мере надеялись на их эффективность, а Маттеос Урхаеци увидел, как над ними восторжествовала военная мощь сельджуков. Относительная (ср. мусульманские завоевания) «мягкость» и дипломатичность византийской агрессии (нужно учитывать и ее столетнюю продолжительность), одобрение современниками мероприятий империи по обороне захваченных ею армянских земель и их надежды на эффективность этих мероприятий против восточных кочевников способствовали смягчению отзывов о Византии армянских историков, современников византийской экспансии. Но эти доводы уже не могли играть роли для последующих историков (начиная с Маттеоса Урхаеци), которых интересовали не методы, а результаты византийской экспансии. Этим, по-видимому, и объясняется разница в освещении византийского политического курса у армянских историков XI—XII вв.

ՄԻՋՆԱԴԱՐՅԱՆ ՀԱՅ ՊԱՏՄԻՉՆԵՐԸ ԲՅՈՒՋԱՆԴԱԿԱՆ ԿԱՅՄՐՈՒԹՅԱՆ
X—XI ԴԱՐԵՐԻ ԱՐԵՎԵԼՅԱՆ ԷՔՍՊԱՆՍԻԱՅԻ ՄԱՍԻՆ

Վ. Ա. ՀԱՐՈՒԹՅՈՒՆՈՎԱ-ՅԻՊԱՆՅԱՆ

(Ա մ ֆ ո փ ու մ)

Հայ պատմիչների (սկսած Ասողիկից մինչև Մատթեոս Ուռնայեցի) հաղորդումների ուսումնասիրությունը ցույց է տալիս, որ ժամանակի տեսակետից ինչքան մոտ է կանգնած պատմիչը բյուզանդական արշավանքների դեպքերին, այնքան հանդուրժողաբար է վերաբերվում դրանց և, ընդհակառակը, տարածությամբ ու ժամանակով որքան հեռու է դրանցից, այնքան բացասաբար է գնահատում այդ արշավանքների հետևանքները:

Բյուզանդական ազրեսիայի մեղմությունը՝ սելջուկյան նվաճումների համեմատությամբ, այն հանգամանքը, որ ժամանակակիցները հավանություն էին տալիս նվաճված հայկական հողերի աշտպանության համար Բյուզանդիայի իրականացրած միջոցառումներին և դրանց արդյունավետության վերաբերյալ հույսերը մեղմացնում են բյուզանդական էքսպանսիայի ժամանակակից հայ պատմիչների կարծիքը կայսրության քաղաքականության մասին: Բայց այդ փաստարկները արդեն չէին կարող դեր խաղալ հետազայի պատմաբանների համար, որոնց հետաքրքրում էին բյուզանդական էքսպանսիայի ոչ թե մեթոդները, այլ արդյունքները: Դրանով էլ, ըստ երևույթին, բացատրվում է բյուզանդական քաղաքական կուրսի լուսաբանման մեջ եղած տարբերությունները XI—XII դդ. հայ պատմիչների մոտ: